

ЕСТЬ ДВА ПОРТРЕТА Пушкина. Какой из них лучше? Оба! У Ореста Кипренского мы видим гения из школьных и вузовских учебников, у Василия Тропинина — поэта, которого читаешь для души. Всё это Пушкин, едино значимый для русской и мировой культуры. Классическая строгость — и мятежный дух. Петербургская прохлада — и московская удаль. Эффектность поэты — и вольно-поэтическая расхристанность. Столичный денди-байронист или добрый барин? Каким был он? Разным. То властителем дум, то картёжником, то романтиком, то циником. И влюбчивым бонвиваном, волочащимся за каждой юбкой. Но считать ли это грехом, если каждая из тех "юбок" становилась музой и волшебным источником вдохновения?

"И жизнь, и слёзы, и любовь" — таков наш Пушкин. Наше всё. В музее Василия Тропинина, что уютно расположен меж Ордынкой и Поляной, проходит выставка "Пушкин у Тропинина", посвящённая портрету, а заодно всей эпохе — Золотому веку поэзии, когда стихи писал чуть не каждый гусар — хоть для того, чтобы черкнуть пару строк в альбом уездной барышни. Вдобавок экспозиция рассказывает о московской теме в жизни Пушкина и Тропинина, и если поэт жил меж Петербургом, Москвой, именьями исылками, то для Тропинина белокаменная столица была единственной и неповторимой.

"Что для Петербурга значил Кипренский, то для Москвы — Тропинин. Впрочем, его значение для Москвы было даже большим, нежели Кипренского для Петербурга, так как до Тропинина в Москве не было совсем художников, если не считать заезжавших на время иностранцев, а потому московская школа живописи вполне основательно может считать его за своего родоначальника", — констатировал Александр Бенуа, не слишком любивший Тропинина за мягкость и гладкость, но отдававший ему должное. Выставка небольшая, но чрезвычайно информативная, поэтому сопроводительные таблички обязательны к изучению. Так, посетителю предлагается узнать историю создания тропининского шедевра. Заказчиком изображения явился не сам Пушкин, но Сергей Соболевский, библиофил и меценат. В его московском доме Пушкин прожил почти полгода. Акварельный портрет Соболевского, написанный неизвестным художником, также можно увидеть среди экспонатов. Уезжая в заграничный вояж, Соболевский повелел сделать миниатюрный вариант, а сам портрет оставил у Елагиных, однако, возвратившись, обнаружил дурно исполненную копию. Искусствоведы по сию пору не пришли к выводу — куда в тот момент делся подлинник и какова степень вины тех Елагиных.

Тропининский Пушкин был обнаружен спустя... двадцать лет в одной из лавок. Заприметил его князь Михаил Оболенский, племянник графа Ираклия Моркова, чьим крепостным долгие годы был художник. Эту манеру Оболенский ведал доподлинно, ибо сам неоднократно становился моделью живописца. В этом легко убедиться на выставке — перед нами детский портретик князя. Оболенский, зная ситуацию с пропажей, тут же привёз картину к мастеру, дабы тот развеял все сомнения, поставив долгожданную точку в этой полудетективной истории. И действительно, Василий Тропинин с лёгкостью узнал свою руку!

В экспозиции представлен один из эскизов и этюд к будущему портрету, таким образом мы словно бы попадаем в мастерскую художника. Да, к слову, Пушкин был непоседливым натурщиком, и с ним приходилось договариваться. Картина произвела фурор, а в журнале "Московский телеграф" вышла заметка по поводу завершения Тропининского портрета. В ней отмечалось, что "...физиогномия Пушкина столь определённая, выразительная, что всякий живописец может схватить её, вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие. Действительно: гений пламенный, оживляющийся при каждом новом впечатлении, должен изменять выражение лица своего, которое составляет душу лица". В сих витеватых словах — истина. Пушкин слишком подвижен, чтобы его чётко выразить на холсте.

Портрет Пушкина так понравился современникам, что многие принимали заказывать у Тропинина нечто подобное. В московскую моду вошла неформальность изображений — в противовес петербургской репрезентативности. Вот, например, тропининский портрет Александра Алябьева: славный

композитор, автор изящнейшего "Соловья" предстаёт безо всякой помпы, в шлафроке. К нему в пару портрет Владимира Раевского, и тоже в домашнем виде. Тот Раевский был племянником знаменитого Дениса Давыдова, но сам по себе не оказался чем бы то ни было примечателен — после отставки жил в своём имении, заезжая в Москву к родственникам, где и познакомился с Василием Тропининым.

Тут же — автопортрет Тропинина, выполненный им в середине 1820-х, чтобы мы представили, как выглядел мастер в тот момент. А вот — рисован-

лестных, / Красавиц много на Москве", — утверждал поэт. И добавлял: "Края Москвы, края родные, / Где на заре цветущих лет / Часы беспечности я тратил золотые, / Не зная горести и бед..."

В числе экспонатов портреты тех, с кем была связана московская линия поэта. Вот Артемий Воронцов кисти Фёдора Рокотова. Вельможа екатерининского и павловского времени, он сделал неплохую карьеру. Этот дальний родственник, женатый на двоюродной бабушке поэта, был крестным отцом Пушкина.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Экспозиция в Музее Василия Тропинина

ные портреты современников и общих друзей поэта и живописца: Евгений Баратынский, Дмитрий Веневитинов, Пётр Вяземский. Царственно изображение актрисы Екатерины Семёновой — рисунок Тропинина по оригиналу Кипренского. Крестьянского роду-племени, она сделала главную театральную примой. Богиня трагедии, прелестница, покорительница умов и сердец. В "Евгении Онегине" есть такие примечательные строки: "Там Озеров невольны дани / Народных слёз, рукоплесканий / С младой Семёновой делил". На рисунке Тропинина "младая Семёнова" показана в роли царицы Федры из одноимённой пьесы Жана Расина. Она играла по преимуществу классицистический или же античный репертуар, но в повседневной жизни слыла любвеобильной причудницей.

Чарует акварель Жана Дезире Мюнере с изображением Зинаиды Волконской, писательницы, певицы и музыкантши, чьими талантами восхищался весь бомонд. Да что там бомонд — её обожествлял сам Пушкин! Попасть в московский салон Волконской, на Тверскую, 14 мечтали все прославленные умы, сюда, вернувшись из ссылки, устремился и наш поэт в сопровождении Петра Вяземского. Хозяйка приветствовала гостей элегией "Погасло дневное светило", переложенной на музыку. Французский миниатюрист Мюнере подчеркнул душевную и телесную привлекательность своей героини, явив неземную гармонию в женском воплощении. "Царица муз и красоты", — говорил Пушкин, и был, как обычно, прав.

ВЕРНЁМСЯ ЖЕ К ПОЭТУ, для которого 1826 год знаменателен. Как уже отмечалось, возмутителя спокойствия внезапно возвратили из михайловской ссылки. Больше того, удостоили высочайшей аудиенции. Он встретился с Николаем I в Москве, куда новоспечённый государь прибыл на коронацию. Состоялся долгий, интересный разговор. После него монарх скажет: "Я сегодня говорил с самым умным человеком России". Позднее отношения поэта и царя будут сложными, но не столь катастрофическими, как любят выказывать поверхностные авторы. Важно, что Николай Павлович ценил Пушкина, хотя сам не был гуманитарно одарённым человеком, предпочитая инженерные науки.

На выставке представлен маленький овальный портрет Николая I работы Александра Соколова. К сожалению, здесь царь уже не тот Аполлон, коим он был в 1820-е годы — тогда его называли "самым красивым мужчиной Европы", и это без доли изысканной лести — чего бы в Лондоне да Парижах лести России? В обывательском сознании Пушкин вечно юн, а Николай — этакий пожилой службист с лихо закрученными усами. В реальности Пушкин моложе Николая всего на три года. Вот строки, посвящённые царю: "Его я просто полюбил: / Он бодро, честно правит нами; / Россиям вдруг он оживил / Войной, надеждами, трудами". Это честно. Это дорогого стоит, так как Пушкин никогда не был придворным лизоблюдом.

На одном из стендов карта Москвы Пушкинской: где жил в разные годы, какие адреса посещал регулярно, где изредка бывал. Всё ценно для нас, даже те улицы, где поэт рассеянно флиансовал в поисках рифм. Пушкин искренне любил хлебо-солёно-купеческую, простодушную московскую бытность — неслучайно Татьяна Ларина ехала в Москву на ярмарку невест. "У ночи много звёзд пре-

Этюд к портрету А.С. Пушкина. Художник Василий Тропинин. 1827 г.

Рядом — Николай Юсупов работы Иоганна Лампи старшего. Юсупов был меценатом и знатоком искусств — приобретал картины для Эрмитажа, являясь посредником при исполнении императорских заказов европейскими художниками, а заодно пополняя свою обширнейшую коллекцию. Во флигеле его дома, что в Большом Харитоньевском переулке, Пушкины жили в 1800-х годах.

При доме был сад, и маленький Саша гулял там с няней и бабушкой. "Первые впечатления детства, — писал он впоследствии, — Москва. Юсупов

сад". Тот Эдем среди Москвы послужил прототипом для сада Черномора из поэмы "Руслан и Людмила". Уже будучи взрослым человеком и великим литератором, Пушкин гостил у Юсупова в имении Архангельское. Изумительны переплетения судеб, дорог и творческих биографий! И Воронцов, и Юсупов входили в коргору стариков I Галантного века, родившихся ещё при Елизавете Петровне, служивших Екатерине и Павлу, доживших до Александра I, а кое-кто и до Николая I. Воронцов и Юсупов на тех портретах ещё молоды — увенчанные пудренными париками, смотрят они на нас, как вестники своего пышного и прихотливого столетия.

ЭКСПОЗИЦИЮ ДОПОЛНЯЮТ предметы быта: зеркало в стиле ампира с характерным декором в виде пальметт, роскошное пианино, масляные лампы и подвесники, высокие бокалы, из которых тогда пили шампанское, разнообразные чернильницы — иные из них декоративно оформлены фарфоровыми розами, курительная трубка в виде головы античного воина — греко-римская

ЛИХОНОСОВ

Мастер слова

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ЕЩЁ ВОПРОС, стоит ли село без праведника, но вот без своего писателя, признанного мастера духоводьёного слова, похоже, не может обойтись ни один уважающий себя российский регион. В Краснодарском крае сейчас таким своим литературным знаменем признат Виктор Иванович Лихоносов (30 апреля 1936 г. — 9 августа 2021 г.) — точно так же как в сфере музыкальной культуры его визитной карточкой уже давно служит Кубанский казачий хор под управлением Виктора Гавриловича Захарченко. И дело здесь не в том, что Лихоносов дал краевому центру — дару Екатерины II той части Войска Запорожского, которая согласилась после роспуска Сечи стать кубанскими казаками, — особую запоминающееся после всех отечественных и мировых бурь XX века второе имя — "Наш маленький Париж". И даже не в том, что он в 1998-м был одним из инициаторов создания литературно-исторического толстого журнала "Родная Кубань" и на протяжении почти двух десятилетий редактировал его, сделав настоящим "опорником" по сохранению и развитию традиционных ценностей Русского Мира в их современной ипостаси — надо сказать, не самая простая и лёгкая миссия на этой вот уже третий век казачьей земле. "Такое ощущение, что до сей поры Краснодар никто никогда не любил, хотя все довольны, что живут здесь..." — сказал писатель в одном из своих поздних интервью, а ехали сюда, по словам одного из лихоносовских героев, чтобы "отрезать сала на четыре пальца".

Возможно, дело прежде всего в том, что для Виктора Лихоносова, родившегося и выросшего в Сибири, приехавшего после армии учиться в Краснодар, Кубань стала родной, а он для неё — своим, выразителем её "духа места" и "духа времени" на протяжении более чем полувека — с момента первой публикации рассказа "Брянские" в "Новом мире" Александра Твардовского (1963 г., № 11).

"Душа моя отозвалась на самое колыбельное, и, значит, не выскоча она, значит, не умерла она в нас и в урочные минуты всё та же русская, памятливая... Бывает, что слово или взгляд тронут в тебе патристическую струну, сверкнёт молния, и вдруг широко видится судьба родного народа", — эти строки из повести "Осен в Тамани" (1969 г.), явно перекликающиеся с гоголевским: "...вдруг стало видимо далеко во все концы света...", — вполне могут служить эпиграфом не только к творчеству, но и ко всему жизненному пути писателя ("Вечным же его домом была дорога к кому-то: среди травы, перелесков, оград и могил..."), а последней точкой на этом пути стала та же Тамань, где писатель, согласно его завещанию, и был похоронен. "Обыкновенная скучная станица, не захотел бы и жить в ней. Если бы не Мстислав (князь, упоминаемый в "Слове о полку Игореве" — Авт.), не Никон (Печерский, святой — Авт.), не Лермонтов, кто бы почтил её, эту станицу, на семи ветрах?" — а ведь "такая эта даль была, такой сказочный путь, что и не верится". Тамутаркань, считали, где-то на краю света".

Жить "не захотел бы", а вот упокоиться навеки в этом месте — да. В Тамани, в полях, на дорогах родимой стороны я так и останусь с сердцем ребёнка. Ничего уже не свершу восхитительного, прекрасного, и это горько как раз в Тамани, когда отворяются в тебе утолщи для счастливых грёз... Возшла наконец Медведица, этот ковшик, эти семь звёзд, простыя и первых с детства, они нас тоже помнить не будут, но мы-то всё равно были. Вдруг одна мысль страшна стала мне: ведь мог же я и не появиться! Неужели? Неужели ни раньше, ни позже? Никогда? Страшно подумать, невыносимо! Невыносимо представить, что все мои современники знали бы, откуда есть пошла земля наша, какой она стала, а я нет! И никогда? Нестор, Мономах, Лермонтов, Есенин не были бы моими, как нынче? И по старым дорогам ездил бы кто-то вместо меня? И женских бы глаз я не видел, ласковых слов не слышал? И даже этих слов не сумел бы произнести? Прекрасно, что живу. Будь жизнь труднее в тысячу раз — прекрасно, что дана она мне".

Да, настолько широко виделась Виктору Лихоносову судьба родного народа и в истории, и в пространстве. И своя судьба тоже. Не случайный роман "Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж", якобы созданный на основе доставшихся писателю от некоего Виктора Т. материалов, он характеризует как "пример простодушной любви к людям, к памяти обо всем родном, и читать её (рукопись... — Авт.) надо на том же дыхании, на каком она писана". Владимир Бондаренко отмечал, что в произведениях Виктора Лихоносова главный герой — "любовь к людям, очарование жизнью человека на земле", "никакого реального движения или действия... не происходит. Происходит очарование действием, движением". "...Читаешь... и будто ничего не происходит, пока не поймёшь. Что происходит что-то гораздо более важное, чем обычные происшествия... и, кстати, этот жарн "обо всём и ни о чём", по существу, очень русский, теперь как-то исчез, забыт за текущими делами..." — это уже отклик на лихоносовскую прозу от Георгия Адамовича. Откликов подобного рода о творчестве писателя за авторством известных (в том числе Василий Белов, Станислав Куняев, Олег Михайлов, Валентин Распутин, Юрий Селезнёв, Александр Твардовский) и просто читателей можно привести не то что на газетную статью, а на целую диссертацию или монографию. Но среди них, на мой взгляд, стоит особо выделить слова кубанца по рождению Юрия Кузнецова: "Будь моя воля, я бы выдал Лихоносову полного георгиевского кавалера". Полными георгиевскими кавалерами назывались награждённые всеми четырьмя степенями ордена Святого Георгия офицеры или креста Святого Георгия — нижние чины русской армии за "неустрашимую храбрость" и личную доблесть в бою. Яркая художественная самобытность Виктора Ивановича Лихоносова и его неизменное мужество в незримых бранях за Россию на протяжении более чем полувека, как предстается, делают его действительно достойным такой награды.

Владимир ВИННИКОВ

О ЧЕЛОВЕКЕ — особенно о человеке, уже прошедшем, завершившем свой жизненный путь, — принято и нужно судить по лучшему, что в нём было и есть, а отсюда следует, что про поэта, если он действительно поэт, должны больше всего и лучше всего говорить его стихи. С Ильёй Сельвинским при всём желании так не получится. Если Николай Гумилёв писал о стихах Велимира Хлебникова: "Многие его строки кажутся обрывками какого-то большого, никогда не написанного эпоса", — то произведения Сельвинского можно сравнить с обрывками палимпсеста, где по стёртым прежним буквам начертаны новые — причём неоднократно, вплоть до разрывов пергамента и невозможности выявить оригинальный текст. Да и был ли он? Эпос ли это? Так вопрос вообще не стоит. Конечно, мог быть — как и всем прочим. Но любая возможность в случае Сельвинского так и не стала даже вероятностью (возможность и вероятность — разные меры не только бытия, но и небытия тоже).

Гумилёв был арестован и расстрелян в августе 1921-го, практически однове-

менно скончался Блок. Хлебникова не стало в октябре 1922-го. Серебряный век закончился. Появление Сельвинского принадлежит уже другой эпохе — и литературной, и общественно-политической. Та московская публика, которая в апреле 1923-го на ура признала уроженца Крыма и на тот момент студента факультета общественных наук МГУ "королём поэтов", отодвинув от этого престола всех прочих претендентов, конечно, в массе своей была публикой нэпманской. Сельвинский попал в яблочко, которое, порядком погрызенное, всё ещё катилось по России после революции и Гражданской войны. А куды ж оно тады катилось, было ещё неясно — точно только то, что вперёд, а не назад!

ПОЭТ-КОНСТРУКТИВИСТ

К 125-летию Ильи Сельвинского

Владимир Маяковский эту самую "таратинку" ему потом припомнил:

Нет на прореу карантина,
Мандолинит из-под стен:
Таратина, таратина,
т-э-н-н..."

"Во весь голос", 1929 г.

Хотя, конечно, "Ульявевщину" Владимир Владимирович, "дедом казак, другим сечевик", признавал и даже читал отрывки из неё на своих публичных выступлениях. Не столь артистично, как сам автор, но факт козательный.

Эхали казаки, ды ехали казаки,
Ды эхали каза-па?-ки, чубы пà губам
(здесь, кстати, явная отсылка к песне "Ехали казаки домой, раскудрявив чуб на ветру..." — Г.С.).

...Ехали казаки ды на башке? па?пахи,
Ды набшике папахи через Дон да Кубань.
Скулы непобриеты, между-зубами углы,
Пколеним шлей?

наварачивает — "Нно!".
Эх. Конские арёвы ды от крови? па?жухли,
Ды плыло са по от обстре? па? в я звы и гно й.

Добре, лошадиэха,
что вышла?ат набёё,
Опалито поры?хом, смердьёные полымё.
Тольк што там заетря-ды наш жизнь? ка?пейка,
Ды не дорубит шайшыка — дохалопнет пүлемёт...

...Ульявев буге такй: выверчено вёко,
Дёрка в пидборёце тай в ухй сера.
Зроду из бачено такого чоловіка,
Як той батько Ульявев Серга
"Ульявевщина", 1927 г...

Опять же, сегодня невозможно установить более-менее достоверно, как текст первого издания этой поэмы, датированного 1927 годом, соотносится с предшествующими вариантами, написанными якобы даже до 1924 года, и чуть ли не раньше есенинской "Страны

Багрицкий, Владимир Луговской, Николай Ушаков и другие. Эта литературная группа, подобно своему архитектурному брату-близнецу, претендовала на много ни мало на захват и строительство будущего времени и пространства смыслов, с "меной всех", включая в том числе якобы "устаревший" футуризм. Сельвинский выступал не только "знаменем" этой группы, но и её "сердцем", даже предложил в качестве нового "строиматериала" для русской поэзии тактовый стих, более "крупноблочный" по сравнению с дольником и ещё дальше отстоящий от классической силлабо-тоники, а также ряд новых "строительных технологий". В литературных дискуссиях того времени особо не деликатничал, но делал это не с политических, а с эстетических позиций:

Пишите, поэты, но бойтесь
Пастернаки и Мандельштама...

А за гущей рифматрое,
критиков и любопытных
В далёком углу сосредоточено
кого-то били.

Я поблден: оказывается, так надо —
Поэту Есенину делают биографию
"Записки поэта", 1928 г.

К своему литературному творчеству Илья Сельвинский явно относился как к тому, что в случае необходимости можно и нужно переделывать: конструировать, реконструировать или деконструировать (последнее стало модным "трендом" для всей современной культуры) — впрочем, и его жизни, особенно по части биографии, это касалось тоже в полной мере.

Многочисленные байки, связанные с именем поэта, который после смерти Маяковского заявил, что принимает на себя его наследство, "как принял бы Францию германский король", широко распространены и широко из-

вестны. В их числе — и та, согласно которой на похоронах "певца революции" кто-то из присутствующих сказал Сельвинскому: "Вы — следующий". Но "по жизни" всё сложилось иначе, на смену архитектурному конструктивизму в СССР 1930-х годов пришёл сталинский ампира, а литературному конструктивизму, футуризму и прочим художественным "измам" — социалистический реализм.

Дискуссии о литературе вводились в жёсткое русло каналов государственной политики и цензуры. Королёв поэтов, потомственному скоряку, довелось поработать не только упоминоченным по заготовке пушныни, но и сварщиком на Электрозаводе, и корреспондентом газеты "Правда", и отправиться в экспедицию О.Ю. Шмидта на ледоколе "Челюскин", и получить за свои произведения, кроме шквалов критики, в том числе партийной, орден Трудового Красного Знамени (январь 1939 г.). В числе этих произведений — поэма "Пушторг" (1929 г.), драмы "Командарм 2" (1930 г.), "Пао-Пао" (1933 г.), "Умка — Белый Медведь" (1935 г.) (да, это чукотское именование полярного хищника пошло "в народ" через Сельвинского. — Г.С.) и другие.

В годы Великой Отечественной служил во фронтовых частях как полтоработник, дослужился до звания подполковника, был награждён орденом Красной Звезды (февраль 1943 г.) и орденом Отечественной войны I степени (октябрь 1943 г.), а также медалами. После войны продолжал активную творческую деятельность, отмеченную ещё двумя орденами Трудового Красного Знамени, но свою бесспорную славу конца 1920-х годов, по общему мнению, Сельвинский пережил. Его не запрещали, но и не продвигали "сверху", а "снизу" прежнего отклика на его стихи уже не было. Сам поэт в дневниках военного времени делился якобы переданным ему кем-то мнением И.В. Сталина о своём творчестве: "Сельвинский талантлив. Почти гениален. Но проходит мимо души народа". Похоже, что эти слова очень близки к разгадке феномена Сельвинского, только в несколько иной системе координат. Поэт не "проходил мимо" души народа, а просто "не доходил" до неё — ему хватало и своей. Для иллюстрации здесь можно привести строчки из "Ульявевщины" — мелкую, казалась бы, деталь:

И, черкнув горизонт
таинственный град
Из красного солнца и сизого дыма,
Земля опускала восточный край
Торжественно-неудержимо.

Почему для автора Земля "торжественно-неудержимо" опускала здесь восточный свой край, а не поднимала западный? Тем не менее путь, который открыл Сельвинский в русской поэзии (наверное, здесь кто-то поправит: в русскоязычной, но лично я убеждён, что это не так) и по которому сам так и не пошёл до конца, нигде не дёлся.

Георгий СУДОВЦЕВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru